

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАССОВОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Новикова Л. Г.,
кандидат философских наук;
Белая Е. А.
(г. Минск)

Вопрос о месте и роли религии в жизни постсоветских социумов активно обсуждается в гуманитарной науке последние 15 (как минимум) лет. Сначала речь шла о «религиозном буме», «духовном Ренессансе», охватившем население бывшего СССР, сутью которого, согласно Д. Фурману¹, было качание «идеологического маятника». Искусственно отведенный большевиками в одно крайнее состояние всеобщего обязательного атеизма, он — с либерализацией советского режима — неизбежно «качнулся» в прямо противоположную сторону, пророчив состояние равновесия и породив в обществе массовые религиозные, а точнее прорелигиозные и квази-религиозные настроения. Конечным результатом такого «качания» должно стать наступление эры мировоззренческой неопределенности и религиозного индифферентизма как определяющих характеристик состояния массового сознания в данной сфере. Возврата к традиционным формам религии уже быть не может.

Оппоненты Д. Фурмана с этим, в общем, и не спорят, их возражения сводятся к попытке вписать конкретный культурный феномен в какой-то более широкий социоисторический контекст, в рамках которого время «качания маятников» необходимо рассматривать в рамках целых эпох, измеряемых столетиями (Ю. Синелина)².

Вообще-то циклический характер развития мироздания предполагает возможность выделения в каждой его точке различных (больших, средних, малых) по длительности и качеству периодов, о многих из которых науке уже кое-что известно (например, в глобальной метеорологии, экономике и т. д.).

Настоящая статья преследует более скромную цель — описания и некоторой попытки осмысления состояния религиозного

¹ См.: Фурман Д. Верующие, атеисты и прочие // Свободная мысль. — 1997. — № 1.

² См.: Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. — 2001. — № 7.

поля в культуре Беларуси, сложившуюся в последние 10 лет (именно столько времени здесь проводятся более-менее систематические социологические исследования в сфере массового религиозного сознания). Ее эмпирическую базу составляют данные двух наиболее хронологически отдаленных друг от друга опросов, проведенных по репрезентативным национальным выборкам (с целевым добором верующих протестантских и католических общин, которые не попадают в необходимом для статистически достоверного анализа количестве в общие выборки) с 1998 г. по 2007 г. — соответственно в Белгосуниверситете и Институте социологии НАН Беларуси с использованием сходных методик.

Внешние границы (параметры) религиозного поля определяются двумя базовыми характеристиками. Во-первых, численностью основных мировоззренческих групп, различающихся по своему отношению к религии. В наших исследованиях мы выделяли следующие типы (эмпирическим индикатором служил вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?»):

1) религиозный — к нему относятся люди, идентифицирующие себя как верующих в Бога (о подлинности и качестве этой веры речь пойдет ниже; иногда это некий конгломерат различных верований и представлений, который тем не менее сами респонденты определяют как веру в Бога);

2) квазирелигиозный — носители данного типа сознания верят не в Бога, а в сверхъестественные силы;

3) колеблющийся (нерелигиозный) — к нему относятся люди, которые не могут сколько-нибудь ясно определить свою мировоззренческую позицию, они колеблются между верой и неверием («не могу ответить однозначно»);

4) внерелигиозный — носители этого типа четко позиционируют себя как неверующие (но не следует путать их с атеистами; чаще всего они не отрицают религиозную веру, а просто индифферентны к этим проблемам).

Второй характеристикой границ религиозного поля является конфессиональная самоидентификация, причем не только верующих, поскольку и носители нерелигиозных типов сознания часто отождествляют себя со своей социокультурной средой посредством той религии, которая ее исторически формировала.

Как показывает исследовательская практика, по обоим параметрам религиозное поле в Беларуси характеризуется весьма вы-

сокой устойчивостью. По крайней мере, за последние 9–10 лет сравнительные доли выделенных нами групп остаются неизменными (численные колебания находятся в границах статистической погрешности).

Так, доля верующих составляет примерно половину взрослого населения (в 1998 г. — 47,5 %, в 2004 г. — 53,9 %, в 2006 г. — 56,3 %, в 2007 г. — 47,7 %). Около трети респондентов колеблются между верой и неверием (в 1998 г. — 31,2 %, в 2007 г. — 35 %); еще 4–8 % верят не в Бога, а в некие сверхъестественные силы; наконец, неверующими считают себя 10–13 % опрошенных. То есть огромное большинство населения страны, составляющее не менее $\frac{3}{4}$, являются сегодня либо верующими (о глубине и подлинности их веры мы пока не говорим), либо колеблющимися в своем религиозном самоопределении.

Что касается конфессиональной самоидентификации, то в данном случае необходимо обозначить следующее: при безусловном на сегодняшний день доминировании в культурном пространстве Беларуси православия исторически здесь укоренены (и на разных этапах развития страны выступали в качестве ведущих религий) и иные христианские конфессии, прежде всего католицизм и протестантские общины различного толка. Доли лиц, отождествляющих себя с ними (а также с христианством в целом, без конфессиональной детализации), тоже весьма устойчивы во времени (табл. 1).

Таблица 1

Конфессиональная самоидентификация населения РБ, %*

К какой конфессии Вы себя относите?	1998	2004	2006	2007
Ни к какой	20,4	12,0	12,9	9,9
К православию	62,8	74,2	72,6	73,3
К католицизму	10,0	6,5	7,0	7,1
К протестантизму	0,5	0,9	0,8	0,5
К христианству в целом	5,6	5,4	5,8	8,6
К другой	0,2	1,0	0,9	0,4

* Здесь не указывается число лиц, не ответивших на данный вопрос.

Таким образом, к католикам себя относят 7–10 % населения (среди верующих их доля составляет 8–15 %), к протестантам — менее 1 %, к «христианам в целом» — 5–9 % (причем среди верующих их вдвое меньше, то есть речь идет в основном о культурно-исторической, а не о собственно религиозной идентификации). Другими словами, представители маргинальных по отношению к доминирующему православию конфессий достаточно устойчивы в своих убеждениях и «мировоззренчески консолидированы» (если относят себя к данной конфессии, значит, верят в Бога).

Иначе обстоит дело с православными. Данные, представленные в таблице 1, показывают, что где-то в начале нового века примерно на 10 пунктов выросло число лиц, идентифицирующих себя с этой конфессией, причем за счет уменьшения доли тех, кто ранее находился вообще вне религиозного поля. Однако здесь не наблюдается роста собственно религиозной веры: доли православных среди верующих за последние 9 лет практически не изменились и составили 77 % в 1998 г. и 81 % в 2007 г. Зато численность лиц, отождествляющих себя с православием, среди носителей иных типов мировоззрения (для удобства обсуждения объединим их под этикеткой «нерелигиозное сознание») выросла за это время на 20 пунктов — с 45 % до 65 % (следовательно, речь идет о существенном усилении общекультурного, но не собственно религиозного влияния православия на массовое сознание в Беларуси).

Как нам представляется, одной из основных причин данного феномена является заметная активизация и социальной, и религиозной деятельности Православной церкви, начавшаяся в те годы. Инициированный ею широкий диалог как с обществом, так и с другими христианскими конфессиями (прежде всего с католиками, что для Беларуси особенно важно) вызвал рост доверия к ней в первую очередь среди носителей нерелигиозных типов сознания, ранее не идентифицировавших себя вообще ни с какими конфессиями, то есть не отождествлявшими себя с собственной культурой посредством религии. Но после 2004 г. положение дел уже не меняется.

Таким образом, в совокупности вышеприведенные данные позволяют сделать вывод о том, что по своим внешним параметрам религиозное поле в Беларуси достаточно стабильно. Если поль-

зоваться терминологией Д. Фурмана, уже в конце 90-х гг. XX века «идеологический маятник» здесь пришел в состояние равновесия: люди определились со своим отношением к религии, а также выбором конфессиональной принадлежности.

Вместе с тем основные изменения происходят, как показывают результаты исследований, внутри данного поля и затрагивают в первую очередь культовые практики и сферу мотивации, связанную с ними. Но, как нам представляется, говорить на этом уровне о верующих, как о некоей гомогенной группе, отличающейся от других лишь декларацией о наличии у них веры в Бога, методологически не вполне корректно. Такая дихотомия предполагает неявным образом однородность верующих. Их сходство между собой столь сильное, что они образуют группу, кардинально отличающуюся от неверующих. Однако полученные нами данные дают основания считать, что верующие, даже в рамках христианства, отличаются друг от друга в зависимости от конфессии, к которой они принадлежат, столь сильно, что требуют специального сравнительного анализа особенностей их религиозного сознания и поведения.

Для такого рода анализа были сформированы целевые массивы верующих из числа трех основных представленных в Беларуси христианских конфессий: православных, католиков и протестантов. Различия в их «весовой категории» среди всех верующих в данном случае элиминировались за счет дополнительного взвешивания групп. Дело в том, что, во-первых, официальная статистика и практика массовых опросов все равно не совпадают между собой: так, на 01.01.2007 г. в стране зарегистрированы 1399 православных приходов, 440 католических (римского обряда) и 981 протестантская община различных толков, однако представители последних в общенациональные выборки никогда не попадают в количестве, необходимом для статистически достоверного анализа. Во-вторых, следует учитывать, что очень часто в ходе исторического развития именно разного рода маргинальные группы на каком-то его этапе могут оказывать весьма существенное влияние на происходящие события.

Итак, рассмотрим различия в культовых практиках верующих основных христианских конфессий, а также изменения, которые произошли у них в этой сфере за последние годы. Главными показателями здесь служили регулярность посещения богослу-

жений и участия в совершении религиозных обрядов и таинств, знание текстов молитв и уровень знакомства с вероучительными книгами (в данном случае с Библией).

Таблица 2

**Регулярность посещения богослужений
верующими различных конфессий, %**

Посещаете ли Вы богослужения?	Православные		Католики		Протестанты	
	1998	2007	1998	2007	1998	2007
Да, регулярно	19,6	11,3	44,7	55,7	93,6	96,8
Да, изредка	65,5	68,6	54,0	40,5	5,8	7,8
Нет, не посещаю	14,8	20,1	1,3	3,8	0,6	0,3

Из данных, представленных в таблице 2, хорошо видно, сколь существенны различия в организации культового поведения представителей различных конфессий: для протестантов регулярное участие в богослужениях (которые, добавим, носят обязательно коллективный характер) — правило почти непреложное; достаточно строгая церковная дисциплина существует и у католиков. Хотя доля посещающих регулярно богослужения у них гораздо ниже, тем не менее, как и у протестантов, практически отсутствуют лица, вообще не посещающие храм. Иначе обстоят дела у православных: две трети из них ходят к службе эпизодически, а каждый пятый из числа опрошенных в этой группе, строго говоря, вовсе не может считаться прихожанином церкви.

Отдельно следует обратить внимание на динамику изменений, которые произошли почти за 10 лет в церковной дисциплине верующих. У католиков она выросла — значительная часть тех, кто раньше посещал костел эпизодически, теперь стал делать это регулярно. У православных, напротив, она еще больше снизилась; причем число верующих, изредка ходящих в церковь, не изменилось (2/3 группы), но увеличилась доля лиц, вообще не посещающих храм, за счет тех, кто раньше делал это регулярно. У протестантов все осталось без изменений — их уровень церковной дисциплины близок к идеальному.

Примерно так же обстоит дело с участием в совершении религиозных обрядов и таинств, хотя число верующих, не отправляющих их вообще, во всех конфессиональных группах несколько выше численности лиц, не посещающих храм (у православных оно выросло особенно заметно — с четверти до трети опрошенных).

Возможно, мы имеем дело с давно отмеченным социологами феноменом «приватизации веры», связанным с переходом общества к постиндустриальной фазе развития (что предполагает в числе прочего существенную индивидуализацию бытия и, соответственно, сосредоточение на внутренней духовной жизни — в ущерб ее внешним ритуальным проявлениям). Однако ослабление церковной дисциплины, неинституциализированность религиозной веры отличают, как следует из полученных данных, только православных, но не католиков и протестантов.

При этом различия по возрасту и месту жительства (которые могут в силу болезней или отдаленности храма затруднить его посещение для пожилых людей и жителей небольших населенных пунктов) между ними имеются, но они не столь велики, как наблюдаемые различия в культовом поведении. Так, например, четверть православных верующих и 10 лет назад, и сейчас не знает текстов никаких молитв — против 6—10 % католиков и протестантов (у последних это связано еще и с особенностями верования, которое не всегда предполагает наличие канонических молитвенных текстов). Весьма показательными являются и различия в уровне знакомства с Библией.

Таблица 3

**Сравнительный уровень знакомства с Библией
среди верующих разных конфессий, %**

Знакомы ли Вы с Библией?	Православие		Католики		Протестанты	
	1998	2007	1998	2007	1998	2007
Да, знаком в подробностях и размышлял над ее смыслом	28,8	30,1	51,3	45,4	91,3	98,1
Да, в общем, знаком, но над смыслом не задумывался	40,4	39,6	34,0	36,6	5,2	1,9
Знаком понаслышке	22,4	23,1	11,3	14,5	2,2	—
Не знаком	8,4	7,3	3,3	3,5	1,2	—

Очевидно, что значимых изменений в знаниях верующих за последние годы не произошло: чуть меньшую сосредоточенность на вероучительных текстах обнаружили католики, чуть большую — протестанты. Однако общая тенденция остается неизменной: в подробностях с Библией знакомы менее трети православных (29–30 %), около половины католиков и практически все протестанты; относительное большинство (40 %) православных просто прочитали данный текст (против трети в группе католиков) и еще около трети его не знает вообще (среди католиков таких 15–18 %).

Итак, при всех достаточно устойчивых различиях в уровне знакомства с текстами молитв и Библии среди верующих основных христианских конфессий никаких изменений в данной сфере по прошествии времени у них не произошло. Иными словами, если в регулярности отправления культовых действий определенная динамика наблюдается (у православных регулярность снизилась, у католиков выросла, у протестантов не изменилась), то знания верующих остались неизменными.

Вместе с тем исследование религиозного поведения предполагает и изучение его мотивов как внутренних стимулов действий индивидов. Эти мотивы могут носить как собственно религиозный, так и нерелигиозный характер. В первом случае речь идет о таких стимулах, как «религиозные убеждения (только в церкви можно обрести спасение)», «душевная потребность», а также испытываемая людьми необходимость общения с единоверцами. Во втором — культовое поведение может носить привычно традиционный характер («так принято») или мотивироваться эстетическими факторами («это красиво, торжественно»); наконец, человеком может двигать просто любопытство.

Как показывает сравнительный анализ результатов опросов 1998 и 2007 гг., самые серьезные изменения произошли в области мотивации религиозного поведения верующих разных конфессий (табл. 4).

Из приведенных данных следует, что в 1998 г. очевидно доминирующим мотивом культового поведения во всех конфессиональных группах выступала «душевная потребность» (эмоциональный религиозный мотив), за ней с большим отрывом следовал рациональный мотив — «религиозные убеждения», причем оба они выступали примерно равнозначными для католиков

и протестантов и существенно меньше регулировали поведение православных. Спустя 9 лет мы видим, что собственно религиозная, а также мотивация эстетического характера у православных и католиков заметно ослабла, однако неизменной остается роль традиции, привычки. Иначе обстоит дело у протестантов: место традиции, совершенно для них не важной, занимает возможность общения с единоверцами, которая тоже не меняется со временем. Но вместе с тем в данной группе произошли весьма значимые изменения в религиозной мотивации культового поведения: на фоне почти двукратного ослабления эмоционального стимула («душевная потребность») резко усилилась роль религиозного фактора («религиозные убеждения»).

Таблица 4

**Динамика мотивации посещения богослужений
верующими основных христианских конфессий, %**

Мотивы посещения богослужений и совершения обрядов	Православие		Католики		Протестанты	
	1998	2007	1998	2007	1998	2007
По религиозным убеждениям	37,8	27,7	50,0	34,0	46,5	71,9
По традиции	32,5	31,9	22,2	25,4	1,8	—
Душевная потребность	54,8	38,3	66,0	52,1	68,2	35,9
Это красиво, торжественно	11,9	4,3	14,6	3,5	1,8	1,3
Это избавляет от одиночества, позволяет общаться с единоверцами	10,3	5,7	6,9	8,9	27,6	25,0
Для общения со священнослужителями	Нет данных	1,8	Нет данных	3,5	Нет данных	3,2
Из любопытства	Нет данных	2,5	Нет данных	—	Нет данных	—

Таким образом, различные конфессиональные группы по-разному реагируют на изменения, связанные с религиозной жизнью социума:

— у православных ослабла церковная дисциплина (все меньше верующих регулярно посещают богослужения и участвуют

в совершении обрядов и все больше тех, кто не делает этого вообще), одновременно у них слабеет и мотивация культового поведения;

— у католиков, напротив, церковная дисциплина стала выше, но ее мотивация тоже слабеет;

— у протестантов никаких видимых изменений в культовом поведении не произошло, они по-прежнему предельно сосредоточены на своей вере; но мотивация их поведения становится все более рациональной, причем за счет «вымывания» эмоциональных мотивов.

Вместе с тем уровень знакомства верующих различных конфессий с текстами молитв и Библией остался неизменным, возможно, потому, что такие формы культового поведения не связаны с внешней демонстрацией и не требуют соответствующей институционализации. В совокупности все эти факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что сегодня мы наблюдаем определенные процессы «кристаллизации» религиозного сознания, которая в зависимости от конфессиональной специфики проявляется в изменениях церковной дисциплины, мотивации культового поведения и т. д. Хотя у самой массовой группы верующих — православных — уровень институционализации религиозной веры остается достаточно низким и меняется лишь в сторону ослабления ее внешних признаков.

Возможно, среди прочих причин данное явление обусловлено спецификой сохранения и трансляции религиозных норм и ценностей в процессе семейного воспитания. Ведь в светском государстве, каким был и Советский Союз, и сегодняшняя Беларусь, религиозная социализация осуществляется прежде всего в семье. Иначе говоря, именно семья — тот основной институт, в рамках которого происходит воспроизводство религиозной веры. Естественно предположить, что верующие родители должны в какой-то мере давать своим детям религиозное воспитание (знакомить с религиозными текстами, водить на богослужения и т. п. — в наши дни все это сделать гораздо проще, чем раньше, через систему воскресных школ). Тем более что и 10 лет назад, и сейчас более половины респондентов утверждает, что их родители верили в Бога (60% в 1998 г., 52% — в 2007 г.). Следует, правда, оговориться, что за это время суще-

ственные переоценки по данному вопросу произошли у носителей нерелигиозных типов сознания: если в 1998 г. относительное большинство из них (42 %) считало своих родителей неверующими, то теперь таких осталось лишь 22 %, зато доля тех, кто 10 лет назад не мог ответить определенно на такой вопрос, выросла с 20 % до 48 %. Вполне возможно, что этому факту есть как минимум два объяснения. Во-первых, спустя 10 лет мы опрашивали поколения, уже следующие за предыдущими, которые формировались в атмосфере широкого общественного интереса к религии, да и моды на нее, и признаваться в том, что твои родители не верили (не верят) в Бога, стало как-то неудобно – проще уйти от определенного ответа. А во-вторых, возможно, что в условиях достаточно реальной свободы совести вера постепенно становится очень личным мировоззренческим вопросом и обсуждать его даже с близкими уже не принято, во всяком случае в светских семьях.

Но в общем, как показывают результаты сравнительного анализа, подобная тенденция наблюдается и во всех конфессиональных группах верующих.

Таблица 5

**Особенности религиозной социализации детей
в религиозных конфессиональных группах, %***

	Православие		Католики		Протестанты	
	1998	2007	1998	2007	1998	2007
<i>Являлись ли верующими Ваши родители?</i>						
1. Да	83	76	86	75	59	50
2. Нет	9	6	9	9	29	31
3. Не указано	8	18	5	16	12	19
<i>Получили ли Вы в детстве религиозное воспитание?</i>						
1. Да	53	47	65	56	38	31
2. Нет	47	53	35	44	62	69

* Для большей наглядности данные округлены до целых значений.

Итак, во всех конфессиональных группах несколько уменьшилась численность верующих родителей, причем исключительно за счет увеличения доли респондентов, с которыми подобные вопросы в семье просто не обсуждались, а вот число родителей-«атеистов» осталось неизменным (здесь знания участников опроса оказались весьма устойчивыми).

Следует обратить внимание на равенство численности соответствующих групп у православных и католиков: изменения совершались у них синхронно. Вместе с тем доли детей, выросших в таких семьях и получивших религиозное воспитание, различны: католики и раньше, и теперь делают это чаще. Возможно, потому их вера более институциализирована и более устойчива, чем у православных? Так, из числа тех, кто верит в Бога всю свою жизнь, с раннего детства, религиозное образование в семье получили 90 % католиков против 77 % православных (соответственно 10 % и 23 % его не получили). То есть для православных «верить всю жизнь» можно или во всяком случае легче, чем для католиков, — просто в силу традиции, которая, напомним, выступает для них более значимым мотиватором культового поведения. А вот у тех, кто приходит к религиозной вере в сознательном возрасте, отсутствуют численные различия в зависимости от конфессии, в долях получивших и не получивших соответствующего воспитания, — это их духовный выбор, и семья здесь особой роли не играет.

Несколько особняком стоят протестанты. Поскольку в годы советской власти официальная идеология с ними особенно яростно боролась как с сектантами (вообще говоря, тем самым в какой-то мере спровоцировав среди них либо рост, либо устойчивое воспроизводство сектантских настроений), многие общины существовали в качестве полуподпольных и подпольных, другие активно возникали и множились уже в постсоветское время. В результате сейчас протестантизм в Беларуси представлен большим количеством (напомним, на 01.01.2007 г. их зарегистрировано 980 — вдвое больше, чем католических приходов различных обрядов) не очень многочисленных общин, большинство из которых относительно недавно открыто действует на религиозном поле. И потому семейная традиция в сохранении и трансляции протестантских норм и правил

поведения весьма ограничена. Протестанты значительно реже являются выходцами из семей верующих и чаще — детьми «атеистов»; и если среди православных и католиков осознанно сделали свой выбор уже в сознательном возрасте около половины верующих (46,5% и 49% соответственно), то среди протестантов — 85%. В силу этого же обстоятельства они существенно реже получают религиозное воспитание в семье (и эта доля тоже со временем снижается). Их религиозная жизнь проходит в молитвенных домах, среди единоверцев (коммуникация с которыми для них намного важнее, чем для представителей других конфессий), и подчиняется строгим, неукоснительно выполняемым правилам.

Но вот что интересно: далеко не все верующие родители дают своим детям религиозное воспитание. Причем, если говорить о динамике изменений, то в каждой из конфессий с уменьшением численности родителей, которые верят в Бога (по оценке их собственных детей), примерно на столько же пунктов снизилась и доля детей, получивших соответствующее воспитание, но в каждой группе эта доля сохранилась одной и той же: так, среди православных, имеющих верующих родителей, около трети (29—30%) детей не получили и не получают семейного воспитания в духе веры в Бога, среди католиков и протестантов — пятая часть (19—21%).

Таким образом, институциональное воспроизводство религиозных верований посредством семейной социализации носит достаточно устойчивый характер: хотя доля верующих родителей со сменой поколений несколько снизилась, тем не менее около 70% верующих православных и 80% католиков и протестантов, воспитываясь в семьях верующих, стабильно получают в детстве первоначальные представления о религиозной вере, правилах и нормах поведения, которые ею предписываются, и т. д. Остальные сегодняшние верующие искали свой путь в религию самостоятельно, без участия родительской семьи.

Однако до сих пор, говоря об особенностях культового поведения и институционального воспроизводства веры в различных конфессиональных группах, мы не обсуждали собственно специфику их религиозного сознания, а именно: ценностно-нормативных стереотипов и социальных иденти-

фикаций как основных регуляторов в выборе тех или иных поведенческих моделей, а также содержательных характеристик их верований.

Прежде всего, как следует из предыдущего материала, очевидно, что религиозная вера играет весьма неодинаковую роль в жизни представителей разных конфессий: наиболее сосредоточены на ней протестанты, для которых вера выступает основным консолидирующим их (но только на уровне конкретной общины!) фактором; далее следуют католики; и, наконец, православные, относящиеся к своей вере чаще как к части традиционной культуры. Действительно, отвечая на вопрос о том, какое влияние оказывает на их жизнь вера, «определяющим» его называли 29 % православных, 44 % католиков и 95 % протестантов; одновременно как «незначительное и никакое» его оценили 16 % из первой группы и лишь 5 % из второй (для протестантов такие оценки вообще неприемлемы), при этом православные чаще остальных вообще затрудняются дать ответ на данный вопрос. В результате сравнительные числовые оценки по индексу личной значимости веры (индекс колеблется в пределах от 1 до 4, где 1 означает отсутствие какого-либо влияния, а 4 — определяющее влияние) у православных составляют 2,45, у католиков — 3,21, у протестантов — 3,90.

Какое же место занимает вера в структуре ценностного сознания представителей различных конфессий, как она сочетается с другими базовыми ценностями индивидов, задающих основные смысловые ориентиры их жизни? Для того чтобы по возможности более четко отделить интересующие нас сейчас терминальные ценности от инструментальных (поскольку одни и те же ценности могут выступать и целью, и средством), вопрос формулировался предельно жестко: «Ради чего Вы живете?» Отвечая на него, респонденты должны были выбрать не более 7 пунктов из 22 предложенных им вариантов¹.

¹ Методика разработана Н. Л. Кацуком. — См.: Кацук Н. Л. Динамика социокультурных стратегий поведения различных групп населения // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси. — Мн., 2006. — С. 94–96.

Сравнительная иерархия наиболее значимых для рассматриваемых групп ценностей, образующих «ядро» и «околоядерное» пространство их ценностного сознания и набирающих соответственно наибольшее число выборов (условно говоря, более 50 % и от 40 % до 50 %) выглядит следующим образом.

Таблица 6

**Сравнительная структура «ядра»
ценностно-нормативного сознания представителей
различных конфессиональных групп, %
(округлены до целых значений)**

Православные	Доля выборов	Католики	Доля выборов	Протестанты	Доля выборов
Дети	78	Дети	75	Вера	90
Семья	75	Семья	76	Семья	76
Здоровье	61	Здоровье	51	Любовь	71
Любовь	44	Любовь	50	Дети	70
Вера	31	Вера	51	Помощь людям	64

Безусловно, собственно «ядро» ценностной структуры сознания во всех группах составляют «семья» и «дети», но если для православных и католиков они равнозначны, то для протестантов семья несколько более важна по сравнению с детьми. Затем, однако, следуют существенные различия. У православных в «ядро» входит также ценность «здоровья», ради сохранения которого они готовы жить, и с большим отрывом далее следует «любовь». Вера же у них находится в околопериферийном пространстве, занимая VI ранговое место в ценностной иерархии. Для католиков «здоровье», «вера» и «любовь» равнозначны и занимают III место после семейных ценностей. Для протестантов ценность веры является абсолютно доминирующей над остальными. Следующая за ней триада «семья — любовь — дети» выступает как дополнение и одна из форм реализации этой веры (у протестантов она в значительной степени сосредоточена в семье), а другой формой является «помощь людям»: вполне периферийная ценность для иных конфессий, здесь она интерпретируется через миссионерскую деятельность, обязательную и весьма значимую для протестантов. Следует доба-

вить, что, как и 10 лет назад, «наших» протестантов, в отличие от «классических» европейских, отличает почти полное отсутствие интереса к традиционным, казалось бы, для данной конфессии жизненным приоритетам, связанным с ценностями делового успеха, работы, материально обеспеченной жизни¹.

Та же картина наблюдается при сравнении структуры социальных идентификаций исследуемых групп, то есть отождествления себя с определенными (реальными или символическими) сообществами. Такого рода соотнесение с кем-то предполагает, как известно, интериоризацию и воспроизводство в собственном поведении норм и образцов такой общности.

За неимением возможностей в настоящем тексте для более подробного описания результатов ограничимся анализом различий только в идентификациях: а) устойчивых и осознанных (ответ «часто» по шкале «часто — редко — никогда — затрудняюсь ответить» на вопрос «Как часто Вы ощущаете близость с разными группами людей, о которых можете сказать «Это — мы?»); б) самых значимых для респондентов, иначе говоря, набирающих наибольшее число выборов (более 50 % — «ядерное» пространство, от 40 % до 50 % — «околоядерное»).

Итак, православные наиболее устойчиво и значимо отождествляют себя в первую очередь с семьей (88 %), затем — с друзьями (59 %) и людьми своего поколения (53 %). У них, как мы видим, сочетаются в качестве объектов отождествления и реальные первичные группы «ближнего круга», и символические общности (поколение). «Друзья» и «люди одного поколения» здесь представляют собой части одного и того же объекта.

«Околоядерное» пространство идентификаций составляют группы, объединенные сходным образом жизни (49 %), общими нравственными качествами (47 %), общей исторической судьбой («белорусский народ» — 45 %), общей работой и религиозной верой (по 42 %). Очевидно, что уровень идентификации с единоверцами не слишком высок и находится на границе между «околоядерным» и «околопериферийным» пространством.

У католиков те же доминирующие идентификации с «ближним кругом» (семья — 92 %, друзья — 64,5 %) сочетаются в «ядре»

¹ См.: Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект. — Мн., 2001. — С. 72-73.

с единоверцами (59 %), которые здесь занимают место, занятое у православных поколенческой общностью. В свою очередь «поколение» замыкает в этой группе «околоядерное» пространство (42 %), куда входят те же идентификации, что и у православных: люди таких же нравственных качеств (48 %), сходного образа жизни (47 %) и коллеги по работе — 46 % (исключая «белорусский народ» по понятным этноконфессиональным причинам). Другими словами, при всем сходстве структуры наиболее устойчивых и значимых идентификаций у православных и католиков происходит инверсия ранговых мест таких сообществ, как «поколение» и «единоверцы»: то, что у первых занимает соответственно III и VIII места, у вторых — наоборот, VII и III.

А вот в структуре наиболее значимых и устойчивых идентификаций протестантов «околоядерное» пространство вообще отсутствует. В их сознании существует целостный паттерн, отражающий особенности их вероучения и культовых практик: единоверцы (93 %), члены семьи (88 %), люди общих нравственных качеств и образа жизни (77 % и 69 %), друзья (73 %). Таким образом, ценностно-нормативное сознание данной конфессиональной группы целиком сконцентрировано на религии, хранителями и трансляторами которой являются единоверцы (они же друзья), и семья — в любом случае это носители общих нравственных качеств и поведенческих моделей, предписываемых их верой.

Очевидно, что такого рода установки характерны скорее для религиозного сектантства, чем для классического протестантизма, рожденного в лоне «мэйн стрим».

Что касается содержания религиозных верований, то изначально мы исходили из известной мысли о «двоеверии» православных вообще и о том, что современное массовое религиозное сознание по своей природе аморфно, эклектично и потому в вопросах веры вполне допускает для себя сосуществование различных, в том числе и несовместимых с точки зрения христианской догматики, верований. Речь идет о рудиментах языческих, традиционно-магических культов (например, вера в гадания, сглаз, ворожбу), фрагментах иных, восточных религий (реинкарнация), а также символике древних, но как бы вновь вернувшихся к нам посредством рекламы в СМИ внеисповедных форм религиозности, — таких как астрология или хиромантия (напомним, что богословская традиция, начиная с раннехристианской мысли,

связывала веру в Христа с избавлением человека от влияния звезд). Все это причудливо соединяется в массовом сознании с традиционными христианскими представлениями о триединстве Бога, бессмертии души, страшном Суде и Царстве Божием, рае и аде. Исключение составляют лишь отдельные протестантские общины: например, адвентисты не верят в бессмертие души, а Свидетели Иеговы отрицают Божественную Троицу.

Рассмотрим, как обстоят дела с «чистотой веры» у представителей основных христианских конфессий в Беларуси (табл. 7).

Таблица 7

**Связь между конфессиональной принадлежностью
и религиозными и парарелигиозными верованиями, %**
(округлены до целых значений)

Верите ли Вы: (ответ «Да»)	Православные	Католики	Протестанты
В астрологию	42,5	27	3
В ворожбу, порчу, сглаз	55	48	11
В гадания	34	25	5,5
В реинкарнацию	23	20	1
В Божественную Троицу	79	91	96
В бессмертие души	55	73	70
В Страшный Суд	56	71	92
В ад	58	73	76
В рай	60	74	87

Как видно из таблицы, единственным догматом, который действительно объединяет всех христиан, сегодня остался догмат о Божественной Троице.

Вместе с тем наибольшей «размытостью» и эклектичностью отличается религиозное сознание православных.

Только немногим более половины из них (55–60 %) верят в основные христианские догматы и одновременно столько же — в ворожбу и сглаз, а 42,5 % еще и в астрологию. Католики, в общем, тоже не чужды суеверий, но они при этом существенно чаще придерживаются чисто христианских представле-

ний (70–74 %). Наиболее последовательны верования протестантов, они практически полностью отрицают всю «парарелигию», и в тех пунктах христианского вероучения, в которых у них нет разночтений между собой, уровень веры приближается к 100 %.

Интересно, что во всех конфессиональных группах вера в магию (ворожба, сглаз) почти вдвое выше, чем в гадания. В качестве достаточно экзотической версии можно предположить, что здесь на уровне подсознания «срабатывает» доминирующий в современной техногенной цивилизации, основанной на экспериментальной науке, рациональный принцип активной манипуляции с объектами внешней реальности. На том же принципе (имеющем, конечно, иные культурные корни) построена магия — в отличие от разного рода гаданий (хиромантия и т. д.), предполагающих наличие некоего фатума, который человек может лишь узнать, но изменить ничего не в силах. То есть современный верующий даже в своих суевериях склонен чаще апеллировать к формам, аналогичным научно-экспериментальным методам, нежели к пассивному смирению с судьбой.

В целом очевидно, что «чистота» и сила веры связаны со степенью религиозности конфессиональной группы как показателя, характеризующего определенный уровень интенсивности проявления религиозных принципов. По мере уменьшения данного показателя у нас выстраивается четкая триада «протестанты — католики — православные». Чем выше степень религиозности, тем выше уровень веры в основные христианские догматы и ниже — в парарелигиозные феномены.

Подведем итоги. Религиозное поле Беларуси, внешними границами которого выступают, во-первых, численность основных мировоззренческих групп и, во-вторых, конфессиональная самоидентификация граждан, обрело определенную стабильность к концу 90-х гг. прошлого века. К этому времени уже схлынула волна общественной моды и на религию, и на парарелигиозные феномены, массовое сознание, в общем, определилось в своем мировоззрении и культурно-религиозной идентификации, и потому такие характеристики в течение 10 лет практически не меняются. Некоторые изменения в численности верующих носят возвратно-колебательный характер. Если вернуться к метафоре «маятника», то он слегка покачивается,

показывая, что «часы работают». А некоторый рост культурного (но не религиозного) влияния Православной церкви на носителей нерелигиозных типов мировоззрения связан с усилением ее социальной активности.

Теперь все «подвижки» осуществляются внутри данного поля и затрагивают прежде всего культовые практики и мотивацию, связанную с ними. Однако с этого момента говорить о верующих «в целом» как о некоей гомогенной группе нельзя, поскольку конфессиональная принадлежность существенно дифференцирует и поведение, и сознание верующих. Так, за последние 10 лет регулярность осуществления культовых практик у православных, и раньше невысокая, стала еще ниже; а у католиков уровень церковной дисциплины, наоборот, вырос. Возможно, в последнем случае мы имеем дело с одним из способов социокультурной консолидации группы, ощущающей себя меньшинством по признаку веры: ее (веры) внешняя институционализация позволяет более четко очертить мысленную границу данной общности. В целом вера для католиков важна не столько с ее содержательной точки зрения, сколько как форма групповой интеграции. Но на индивидуальном уровне она воспринимается ими скорее как традиционно-привычная часть частной жизни — и ровно столько для них и значит. А более и менее регулярное участие в обрядах и ритуалах, ощущение сопричастности к Костелу служит поддержанию этой традиции.

В отличие от католицизма, православие в Беларуси составляет доминирующую часть массовой религиозной культуры (напомним, с ним отождествляют себя три четверти населения страны); однако для значительной части православных верующих вера остается социальной декларацией, которая не влечет за собой ни строгого соблюдения норм церковной дисциплины, ни вообще какой бы то ни было реальной деятельности по воплощению христианских идеалов в жизнь. Православная вера имеет для них, с одной стороны, скорее психологическое значение, успокаивая в мыслях и не накладывая собственно религиозных обязательств, а с другой — позволяет на символическом уровне ощутить свою принадлежность к определенной исторической культуре. Как сказал Алексей II, выступая на открытии выставки «Православная Русь», что, несмотря на высокий уровень доверия к Церкви, «церковная жизнь нередко воспринимается теми же самыми людьми как добрая национальная традиция, которая не имеет отношения к их повседневной жизни, и, соблюдая

многие церковные обычаи, люди продолжают жить совершенно по другим законам и правилам, далеким от христианства»¹.

Итак, массовая религиозная культура в Беларуси в подавляющем большинстве представлена среди верующих православными и католиками, которые различным образом ощущают причастность к своей вере и различным образом ведут себя. Тем не менее они имеют сходные структуры ценностей и социальных идентификаций, одинаково открыты миру, что позволяет говорить о них как о двух субкультурных формах, принадлежащих к одной доминирующей культуре.

Вместе с тем речь идет не о некоем «религиозном возрождении» и новой «катехизации» населения, а именно о массовой религиозной культуре, которую Б. Дубин справедливо предлагает сопоставлять не столько с «истинной» верой и ее каноническими нормами, сколько с другими видами массовой культуры — политической, потребительской и т. д.².

Совершенно иную позицию занимают протестанты. Исключительная концентрация их сознания на религиозной вере, которую можно исповедовать только посредством регулярной коммуникации в общине с единоверцами и дома в семье, при отсутствии сколько-нибудь значимых ориентаций на «классические» протестантские ценности позволяет сделать вывод о том, что в Беларуси протестантизм как религиозное течение образует маргинальную групповую субкультуру (в силу замкнутости и малочисленности) сектантского типа, для носителей которой вера выступает смыслообразующим фактором и высшей ценностью жизни.

Таким образом, отличительной чертой Беларуси, обусловленной ее геополитическим положением, является исторически сложившаяся здесь поликонфессиональность на основе христианства. Причем разные конфессиональные направления отвечают различным потребностям (и в какой-то мере формируют их) различных культурно-идеологических и психологических типов личности. В совокупности же они образуют единое религиозно-культурное пространство, отдельные составляющие которого дополняют друг друга, а их конкуренция до сих пор ни разу не приближалась к сколько-нибудь опасной черте, за которой начинаются межконфессиональные конфликты.

¹ См.: Известия. 02.11.2007.

² Дубин Б. Массовая религиозная культура в России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 3. — С. 43.